

Мария Попова

Цветочная смерть

Мария Попова

Цветочная смерть

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Попова М. Н.

Цветочная смерть / М. Н. Попова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Далеко на востоке, там, где встает солнце нового дня, давно ходит легенда о цветочной смерти – уникальном вирусе, разрушающем человеческую плоть, обращая ее в цветочные лепестки. Говорят, что заразиться диковиной болезнью может только тот, чье сердце разбито, а спасти заболевшего можешь лишь поцелуй возлюбленного. Эта история об очень сильной и гордой девушке. А еще это история о той, чья воля была сломлена, а душа растерзана в клочья. Эта история одной цветочной смерти.

Завтра я поеду в родной город. За пять лет учебы и работы – это место уже перестало быть моим домом. Все друзья, вся моя повседневная жизнь останутся здесь.

Встреча одноклассников, первая, на которую меня пригласили, пятилетие выпуска. Приедет даже наша последняя классная руководительница. Она уже пять лет живет в Краснодаре, но ради такого события... Группа в ватсапе разрывается: в какой ресторан пойдем, что закажем, давайте снимем дачу...

Все это не по мне. Эти люди не вспоминали обо мне пять лет. Из всех, со мной общалась только Валя, и та только по праздникам. Из двадцати-то пяти человек.

Но, я стараюсь не обижаться, кому интересно общаться с занудой, не подавшейся в мегаполис ловить счастье и поступившей в провинциальный филиал. Можно сказать, что я неудачница, можно сказать что иду тихой сапой, можно много чего сказать, но я бы предпочла молчание. И видеть их не горю желанием.

Я шла по тротуару, возвращалась из супермаркета домой, предвкушая скудный ужин: желудок снова давал сбой, и ничего кроме овсяной каши есть не стоило.

Мой взгляд еще издали привлек мужчина. Я только что выписала новые линзы, и хотела я или нет, но ошалевшие от качества изображения зрительные анализаторы въедались во все, что двигалось. Средних лет, на первый взгляд, но очень может быть, что на много моложе. Он шел пошатываясь, и выглядел бледным и замученным. На лицо присутствие долгой, изматывающей болезни. Бледно-серый мятый костюм на нем висел как на вешалке. «Может рак?» – подумала я. Стремясь отойти на другую сторону.

Ноги мужчины подкосились. Лицо покрылось испариной, тело сжалось в спазме. Я уже подумала, что его рвет. Я была недалеко от правды. Его вырвало лепестками цветов, я так удивилась, что остановилась в паре шагах от него как вкопанная. Я попала в очень неловкую ситуацию: пойти дальше как ни в чем не бывало я уже не могла, так как уже несколько секунд плююсь на мучимого спазмами мужчину.

– Извините вам помочь?

– Нет, все... все в порядке.

Я кивнула в знак согласия и пошла дальше. Надо было вызвать скорую.

За этой сценой с крыльца своего магазинчика наблюдал Цветочник. Так я его называла. Это молодой флегматичный мужчина, хозяин Fiore dell'Amore, магазина цветов. Они недавно открылись, и я время от времени туда заходила. Купить цветы кому-то в подарок, на работу или домой. Он стоял и улыбался. Даже пальцем не пошевелил. Хотя, не мне судить.

Вечером на чай пришла моя подруга Катя. Единственный человек, кто вхож в мой дом и в мою жизнь. Я Катю очень люблю. Она немного разгоняет мои психоделические будни, проводимые мной в студии. Тем вечером она была как некогда весела.

– Лизка, ты слышала? Сегодня на улице скорая мужчину забрала. Говорят, у него Ханахаки, он цветами кашляет. Вот смеху то!

– Да я видела его сегодня.

Ханахаки – экзотическая болезнь. К нам, в Россию ее привезли анимешники из Японии. Говорят, что ей может заразиться только человек страдающий от неразделенной любви. Какая нелепость!

Честно говоря, до сегодняшнего дня я думала, что это все выдумки.

Но мне то это не грозит. Последний раз я влюблялась аж в начальной школе. И ничем это не кончилось, даже толком и не начиналось, а чтоб страдать от неразделенной любви...

Ни я, ни, тем более, Катя на такое не способны.

Прошлые мои отношения закончились очень даже прозаично. Нет, значит нет. в чем проблема? Хочешь, будь рядом. Не нравится, что я постоянно думаю о работе? Твои проблемы. Хочешь меня, хоти и мою работу.

Да, о чем это я? Никто не встречался со мной дольше месяца, за это время никто не доходил даже до поцелуев. Вот на столько я невыносимая принципиальная и хладнокровная.

– Ну, признайся, Лизаня, красиво это, когда мужчина сохнет по девушке так, что плюётся цветами? Ты бы хотела, чтобы кто-нибудь кашлял цветами из-за тебя?

– Нет. разбивать сердца это не по мне. Лучше уж я поработаю, чем буду строить глазки на право и на лево. Я же не ты!

В ту ночь мне приснился прекрасный сон: в нем была комната, в ней разные цветы я сидела в ней и играла в шахматы с мужчиной, лицо которого совершенно выпало на утро из моей головы. Но я запомнила четко и ясно:

Я проиграла.

От Нерюнгри до Алдана на поезде ехать шесть часов. Это двести книжных страниц, два с половиной повтора самого длинного плейлиста. Это все припасенные двести грамм сухарей и ни одного глотка чая. Это шесть часов спокойствия и неподвижности.

Я села на поезд, отзвонилась маме. Я всегда так делаю, когда еду в Алдан. Я очень хочу, чтобы меня ждали. Но обычно никто меня на перроне не ждет, и я, снова злая и измотанная почти целый час спускаюсь в город пешком. За это время злость проходит и встречаюсь со своими родителями я просто усталая. Хорошо, что улыбаюсь я уже по умолчанию.

Ненавижу этот город. Людей в нем ненавижу. Ненавижу моё одиночество в нем. В Нерюнгри у меня есть Катя. Есть целая стена, уставленная моими книгами. Здесь нет ничего. А самое главное, здесь не должно быть меня.

Желудок бунтовал против сухарей. От мысли выпить черного кофе стало дурно. Я заварила себе ромашки и села в кресло. В доме не было никого. Нашего кота недавно отдали. Оказалось, что у мамы аллергия на Васику. Я не знаю, как я это переживу, потому, что я надеялась хотя бы погладить своего любимца. Но, видимо, не суждено.

В шесть часов встреча в школе в одиннадцатом кабинете.

А пока я могу вдоволь насладиться своей никчёмностью.

Еды мне снова никто не приготовил. Потом они свалят все на брата, который якобы всё съел перед уходом. Ну не смешно ли? Рыться по чужим холодильникам – дурной тон. Не то, чтобы я действительно хотела есть. Просто я хотела хоть немного внимания от людей, которых люблю. Я уже готова была погрузиться в депрессию и человеконенавистничество, но в буфете на видном месте нашлась пачка зефира. Наверное, для меня. А если не для меня, то куплю еще, потом, по дороге с собрания.

Люблю зефир.

Я вышла из дома за пол часа до шести. Плохая идея была обуваться в туфли на каблуках. Я наступала на камни, боясь оступиться. Мост через реку, наверное, один из самых ярких символов моего детства. Каждый раз переходя этот мост, я осознавала, что в жизни мне многое уготовлено. А все потому, что его гнилые бревна, держащиеся на тонких нитях грибницы, растущих на рассыпающейся трухе шампиньонов, каждый раз не уходили из-под моих ног в кипучую бездну быстрой горной реки.

Мост прошла, осталась «Дорога Смерти», узкая тропа, зажатая гаражами с одной стороны и старой теплотрассой с другой. По весне ее неизменно размывал выходящий из русла ключ «Незаметный». Поговаривают, призрак девочки, убитой здесь в 2001 году разгуливает меж полуразвалившихся гаражей и пугает незадачливых бомжей. Меня такие слухи всегда жутко забавляли.

Призраков я боюсь гораздо меньше, чем живых людей.

Словом, до школы я добралась без приключений. Разве сто меня облаяла какая-то шавка около общественной бани, но я уже не затюканная маленькая девочка. Псин я тоже не боюсь.

Из двадцати пяти человек класса пришли двадцать, хотя Ян все же опоздал, об этом позже: двое умерли, один сидит в тюрьме, из тех что умерли, один от рака, полгода назад, один

в автокатастрофе. Разбился на мотоцикле. Попал под грузовик. На фотографии с объездной страшно смотреть, месиво из мяса, крови костей. Что ж, земля пухом. Фриза вышла замуж и уехала в Узбекистан. Больше не вернется.

У Фризы, говорят, уже шестеро детей. Тяжело им, мусульманкам. Мы смотрели фотографии, которые она нам прислала. Она в хиджабе с младшими двойняшками и еще четверо держаться за подол, мал, мала меньше. Сами смугленькие, головки черные. А она... от нашей красавицы Фризы, от сногшибательной Жасмин нашего класса не осталось ничего. Лицо изъели ранние морщины, взгляд потухший, в волосах блики больше напоминали проседь. Мы наговорили ей по скайпу какая она красавица и какие у нее прекрасные дети. Но после разговора дружно сошлись на том, что муж у нее козлина, нет, даже не так – баранина.

Все это очень расстроило Александру Петровну. Она тоже сильно постарела. Ее глаза ядовитого малахита стали больше травоядными, не такими змеино-хищническими, какими были пять лет назад. Однако благодаря бронзовому загару и неизменной манере красится она все еще оставалась той чайной розой, какой ее сохранила моя верная память.

Я рассматривала своих одноклассников. Семьи, дети, карьера, друзья, наркотики и дешёвое пойло. Нас ничего не объединяло ещё со школьной скамьи. Теперь мы и вовсе были из разных вселенных. Все и всё так сильно изменилось. Школьные коридоры были расписаны безвкусными розовыми фресками, повествующими о прелестях школьной жизни, мимо которых я прошла плотно зажмурившись. В кабинетах поменялись парты и учебные плакаты, а дружеский скелет Петя пал смертью храбрых в руках восьмиклассников. Ненавижу эту школу.

Хотя, может все это не так уж и катастрофично. Просто я изменилась. Просто я не могу принять факт своей отчужденности от нашего общего прошлого. Бывшие одноклассники встретили меня холодно, потом давно позабытые подружки попробовали изменить ситуацию, но у них ничего не вышло, я уже чувствовала себя достаточно неуютно. В конце концов, меня оставили в покое сидеть на задней парте и дичком поглядывать на окружающую меня толпу незнакомцев.

Я уже порядком приуныла. Уйти сейчас я не могла, так как мама сказала, вести себя прилично, а послушаться ее на территории этого города, все равно что подписать себе смертный приговор. Отлично. Да что уж тут, шикарно!

Появился опоздавший.

На протяжении всех одиннадцати лет обучения, его считали самым красивым мальчиком в школе, три года, кажущихся мне теперь вечностью, с третьего по шестой класс, я тоже была влюблена в него. Высокий блондин с глазами цвета северных морей. Впечатлительному несмышлёнышу вроде меня такое не могло не понравиться. Оно и понравилось. Стараниями одноклассниц чувства мои были растоптаны до состояния придорожной пыли.

Я несколько не сожалею об этом. Издевательства, побои, подставы закалили меня, сделали меня тем, кто я есть. У меня есть абсолютное право гордиться всем, что я пережила. Разумеется, сейчас, с высоты своей размеренной спокойной жизни, наполненной радостью творчества, которой я добилась, я благодарна за каждый плевок в мою душу. По ощущениям, разница между тем, через что я прошла в те годы, и то, с чем мне приходилось сталкиваться после, как между землетрясениями в двенадцать и в два балла.

Когда он зашел, поздоровавшись и извинившись громко и ясно, улыбаясь, как голливудский киноактер, сердце ёкнуло.

Мне не впервой бороться с панической атакой. Я сменила позу на более вольготную и принялась сверлить взглядом доску. Ян уселся рядом.

- Привет, как дела? – прошептал он, наклонившись ко мне.
- Отлично. Выучилась, работаю, у тебя как?
- Да тоже ничего.

Тон у меня был не самый располагающий к беседе. И, видимо, Ян это понял. Не хочу ни с кем разговаривать. Бесите. Хочу домой к книгам и спокойствию. Зачем надо врываться в мою идеальную жизнь запахом сандала и этой фальшивой приветливостью?

А не катиться ли вам всем к чертовой матери!

Я совсем уже другой человек: у меня короткая стрижка и длинные багровые ногти с шеллаком, у меня всего двадцать семь зубов, потому, что зубы мудрости так и не прорезались, а еще один сломался, так что вместо него протез. У меня есть всё: работа, деньги, сказочные путешествия куда только ветер подует, даже лучшая подруга, с которой мы не разлей вода. В моей телефонной книге звезды кино и эстрады, самые успешные кутюрье мира. Ну и что, да я выбрала маленький непримечательный город и каждый день хожу в один и тот же супермаркет. Зато у меня есть дача на берегу реки и квартира на четвертом этаже девятиэтажки. Я наконец-то стала лучшей сестрой на свете.

Я никогда не смирюсь с такой глупостью.

И тут мне стало очень, очень плохо.

Горло свербело, подступал тяжелый, спазматический кашель. Тело еще помнило, где в этой проклятой школе туалет. Влажный кашель, как при пневмонии. Во рту ощущалось что-то плоское и большое. Я сплюнула в раковину. Больше всего это странное выделение походило на лепесток какого-то красного цветка, вроде розы, или точнее мака.

Ханахаки.

Нет, это какая-то ошибка. Чтобы я и плевать-ся цветами... это все дурацкий розыгрыш. Только, кроме зефира и сухарей, сегодня я ничего не ела. Разыгравшийся гастрит не дает даже воды попить чтобы не мучится. И разыгрывать меня некому.

Не может быть. Завтра пойду к врачу.

Я извинилась перед одноклассниками и, сославшись на плохое самочувствие, ушла. В нескольких взглядах я прочитала тревогу. Неужели я и правду так плохо выгляжу...

Вышла в гардероб. Висели только наши куртки и пальто. Было уже восемь часов вечера. Я взяла свое кремовое пальто. Оно мне очень нравилось, потому, что оно было цвета ванильного зефира. Мне безумно идет этот цвет.

Я не спеша зашнуровывала ботинки. Нужно оставаться спокойной. Если я буду паниковать, лучше мне не станет.

Независимо от моих желаний паника усилилась до тремора в руках. Пальцы перестали слушаться. Я не могла не то что бантик завязать, я затянуть шнурки не могла. Стиснув зубы, покрывшись холодной испариной от прилагаемых усилий я сжала окоченевшие пальцы и потянула шнурки в стороны. Один затянулся, второй выскользнул. Какую-то мышцу свело. Это было безумно больно. На глазах навернулись слезы беспомощности.

Я смотрела на свои бесполезные руки. Я была готова вынести третирования все своих родственников, лишь бы не сидеть сейчас, давясь слезами.

— Давай помогу.

Ян опустился на колени и завязал аккуратный бантик. Боюсь, ему не впервой.

— Хочешь, я отвезу тебя домой?

— Нет, я хочу прогуляться. Пойду пешком.

— Тогда я провожу тебя. Уже темно, не стоит в нашем городе девушке ходить одной после заката.

— Из-за таких как ты и не стоит.

— Я скажу отцу чтобы забрал машину. Скажи, как будешь готова и пойдем.

— Меня не надо провожать я сама дойду.

Я встала рывком и пошла быстрыми широкими шагами. Но я маленькая, всего полтора метра ростом. Догнать меня и идти за мой Яну не доставляло ни малейшего труда. Мы остановились на перекрестке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.